

АЛЕССАНДРО

18+

Я СДЕЛАЛ ЭТО!

ОТ ШИЗОФРЕНИИ К **ОРАНЖЕВЫМ** ШНУРКАМ

18+

Алессандро Алессандро Я сделал это! От шизофрении к оранжевым шнуркам

<https://litres.ru/74433424>

SelfPub; 2026

Аннотация

В последние годы всё чаще появляются книги, описывающие личный опыт душевного расстройства. Эти работы очень важны как для самих авторов, так и для специалистов, которые могут увидеть взгляд с другой стороны на процесс заболевания и терапии. Кроме того, для всех интересующихся темой психики рассказ от первого лица является бесценным опытом проникновения в своеобразный личный мир автора, позволяющим развеять распространённые страхи и предубеждения, касающиеся психических расстройств. Однако нам известны преимущественно переводные работы. Данная история ликвидирует этот пробел и многое говорит о нас самих и нашей действительности. И, самое главное, автор называет себя счастливым, и это даёт всем нам надежду.

Бабин Сергей Михайлович, профессор психиатрии

Содержание

Аннотация	4
Предисловие	5
Глава 1. О моих родителях. «А теперь начинается жизнь!»	7
Глава 2. Первые годы жизни. «Напиши книгу, когда вырастешь»	23
Глава 3. Дошкольные годы. «Дедушка, что это, шахматы?»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алессандро Я сделал это! От шизофрении к оранжевым шнуркам

Аннотация

В последние годы всё чаще появляются книги, описывающие личный опыт душевного расстройства. Эти работы очень важны как для самих авторов, так и для специалистов, которые могут увидеть взгляд с другой стороны на процесс заболевания и терапии. Кроме того, для всех интересующихся темой психики рассказ от первого лица является бесценным опытом проникновения в своеобразный личный мир автора, позволяющим развеять распространённые страхи и предубеждения, касающиеся психических расстройств. Однако нам известны преимущественно переводные работы. Данная история ликвидирует этот пробел и многое говорит о нас самих и нашей действительности. И, самое главное, автор называет себя счастливым, и это даёт всем нам надежду.

Бабин Сергей Михайлович, профессор психиатрии

Предисловие

Я страдаю от шизофрении, хотя долгие годы стараюсь двигаться к относительному здоровью. Сложно сказать, получается ли это, – скорее нет, чем да. Для такой автобиографии важно другое.

Дорога, по которой я шёл и продолжаю идти к улучшению состояния, – ощущение подлинного счастья, и это не так уж громко звучит, ведь каждый человек может быть целостным даже в условиях неизлечимой болезни. Стоит лишь...

Эта книга о становлении человека вопреки всему, и она может вдохновить вас. Вопреки вообще всему.

В книге я описал одиннадцать периодов своей жизни, причём достаточно эмоционально и, надеюсь, с долей самоиронии. Это – мой путь, как он был и есть по сегодняшний день. Выдумок на страницах нет.

Я счастлив даже после своего полного распада, развала. Я сделал это! А значит, смогут сделать и другие, а уж тем более здоровые люди.

Однако о чём речь в названии книги и при чём тут оран-

жевые шнурки? Забегать вперёд совсем не хочется.

Я прошёл путь на дно бездны и обратно, чтобы однажды попробовать помочь кому-то, зажечь в ком-то огонёк. Вдохновить, подать пример, а если будет нужно – поддержать на верном пути! Сделать что-то хорошее для других, не забывая при этом и о себе. Как здорово, если всё получится!

Мы не были бы людьми, не будь у нас возможности выражать благодарность. Я говорю спасибо за свою благополучную жизнь моей героической маме, профессору психиатрии, который лечил меня около семи лет, моему благодетелю психологу Р., с которым мы разговариваем обо всём на свете, а также врачу-психоаналитику Т., которая занимается со мной более пяти лет.

Мама, профессор, Р. и Т.! Эту книгу я искренне посвящаю вам. Ну и оранжевым шнуркам, конечно.

Глава 1. О моих родителях. «А теперь начинается жизнь!»

Мои мама и папа познакомились в восьмом классе.

Мама училась в той школе с самого начала, а папа оказался там после переезда из деревни, лишившись родителей. Его отец погиб по причине, которая мне неизвестна, а ставшая одинокой мать предпочла тяготам жизни петлю на шее. Скверное начало, не правда ли?

Это всё, что я могу сказать о своих дедушке и бабушке по папиной линии. Больше я ничего о них не знаю.

В городе моего отца приютили его дальние родственники. Я с ними пару раз общался, но и о них почти ничего не могу сказать. Думаю, что они были не очень рады свалившемуся им на голову подростку с такой судьбой. Однако он пошёл в школу, а затем в учебное заведение, где получил профессию. У него всегда были золотые руки.

Писать о том, каким в те годы был мой папа, я могу лишь по рассказам мамы и её родителей, моих бабушки и дедушки, а они в один голос говорят одно и то же.

Он был очень странным. Может быть, поэтому он старался не рассказывать о себе и отшучивался, если слышал о своих причудах. Люди могли списывать его отчуждённость и холодность на подростковый возраст.

Мы с папой несколько раз встречались, и мне очевидно, что он страдает от психического расстройства. Вопрос в том, от какого именно и было ли оно тогда.

Он стал школьником на год позже, чем его сверстники, да и учился так себе. Особенно плохо ему давалось написание текстов, чего не скажешь о его сыне, надеюсь.

Папа рассказывал мне, что сел за парту позади моей мамы и просил её помогать с сочинениями, и она делала это на переменках. Мама склонна отрицать это, в результате я не знаю, как было на самом деле.

Он быстро стал равнодушен к ней, а его нездоровые эмоции лишь усилили влюблённость, видимо.

У нас с отцом нет внешнего сходства. Он коренастый, а я в юности был очень тощим, но потом значительно набрал вес из-за длительного приёма нейролептиков.

У него обычные, ничем не примечательные черты лица и прямые русые волосы, а у меня всё как у аргентинского футболиста: смуглое лицо и жёсткая кудрявая шевелюра чёрного цвета.

Впрочем, на маму я тоже не очень похож, кроме цвета глаз. Вы уже могли догадаться, что они карие.

С бабушкой и дедушкой по маминой линии у меня во внешнем облике тоже мало общего. Например, дедушка худощавый и невысокий, а у меня рост метр восемьдесят.

В своих книгах я буду называть их просто бабушкой и дедушкой, ведь других у меня нет.

Они познакомились в пятидесятые годы. Тогда они жили в другом регионе, в соседних деревнях, и дед ходил пешком по несколько километров, чтобы навестить свою подругу.

В начале шестидесятых годов они решили переехать в наш город, который ещё только строился. После того как дедушка вернулся из армии, где служил в танковой части, они с бабушкой сумели взять в советскую ипотеку трёхкомнатную квартиру в хрущёвке, что было большим достижением.

Там они и живут по сей день, уже более полувека, подавая

мне отличный пример того, насколько крепкими могут быть отношения между людьми.

Дедушка начинал с простого заводского работника, но получил высшее образование и стал инженером, а позже – начальником отдела на заводе. Он до сих пор рассказывает мне, как работал по двенадцать часов, а в восемь вечера ездил на учебу в технический университет. Такое было время. Эти рассказы помогают мне понять, что непросто живётся очень многим, главное – не сдаваться и идти вперёд.

Дед всегда был спокойным и рассудительным. Ох, как же трезво он мыслит и сейчас!.. Стоит ему только услышать какое-то сомнительное утверждение, например моё, он решительно отвергает всю цепочку умозаключений.

А ещё дедушка – мастер на все руки, чего не скажешь о его внуке. Давайте начистоту и в таких деталях: у меня всё растёт откуда не следует. Дед помог мне починить очень многое и, надеюсь, поможет починить ещё больше.

У него есть дар заводить полезные знакомства, хотя вряд ли он делал и делает это намеренно. Такой уж человек. Он ещё в юности оброс связями, которые в дальнейшем помогли всей семье и лично мне. У него было несколько верных друзей, готовых отозваться по первой просьбе что в совет-

ское время, что в девяностые и нулевые.

Дедушка умеет поддерживать длительные отношения с людьми. Уж из каких только городов его не поздравляют с праздниками! Его привязанности очень прочные, и он переживает, когда у близких людей что-то идёт не так.

По характеру он несколько мягкий и кулаком по столу стукнуть не может, зато умеет договариваться по принципу «и себе, и людям».

Возможно, вы подумали, что, рассказывая о дедушке, я проецирую на него свои черты? Вряд ли.

Бабушка работала методистом в университете и получила за свою деятельность звание ветерана труда. Однако, когда начались девяностые, ей пришлось распространять среди студентов билеты на автобусы. Вся семья в те годы пыталась выжить любыми приемлемыми способами, и это получилось.

Скажу за себя: лучшим периодом в своей жизни я считаю именно детство, так что мои родители (я имею в виду маму, бабушку и дедушку) отлично состоялись как таковые. А вот каково было им самим, нужно спросить у них. Они баловали меня, и спустя десятилетия я испытываю из-за этого некото-

рую неловкость, ведь они могли чем-то жертвовать.

Однако, думаю, если бы маме, бабушке и дедушке было совсем уж тяжело в те годы, то мне не было бы так хорошо. Это своеобразный, конечно, но показатель того, что одеяло не было перетянута на меня.

В юности я придерживался совсем другой позиции: был эгоцентричен и обвинял родителей во всех своих проблемах. Как думаете, чьё терпение по этому поводу помогло мне стать более зрелым?

Бабушка прямолинейная, зато последовательная и держит свои обещания. Она может повесить голос, когда её что-то беспокоит, но умеет решать проблемы. Всё это означает лишь то, что ей нужно поменьше стресса, ведь жизнь у неё была непростая.

Когда по телевизору рассказывают о чём-то неприятном, даже если это совсем не касается бабушки, она очень переживает. Вот поэтому я и настроил ей на смартфоне сервис, чтобы смотреть музыкальные выступления. Также она любит читать общий домовый чат.

Мама родилась в конце шестидесятых. Она привыкла каждый год ездить на море, а иногда и в Прибалтику, отку-

да они вместе с бабушкой и дедушкой привозили то, чего не было в нашем городе. А в нём не было почти ничего.

Мама отлично училась в школе, а особенно хороша была в математике. Затем она пошла учиться на экономиста. Как же ей повезло, что университет был через дорогу! Ведь в какой-то момент появился я, и для неё это имело важное значение.

Она доучилась и устроилась работать в пенсионный фонд. В начале девяностых это выглядело очень стабильным вариантом.

Она скромная, даже застенчивая, очень разумно мыслит и оценивает разные ситуации. Мне следовало больше прислушиваться к ней с того момента, как я стал задаваться серьёзными вопросами. Мама несколько раз спасала меня в жизни.

Познакомившись в восьмом классе, мама и папа стали часто проводить вместе время. Продолжалось это несколько лет.

Бабушка и дедушка толком не понимали, как относиться к такому кавалеру своей дочери. Они очень мало знали о нём, ведь в ответ на все личные вопросы он отшучивался. Его дальние родственники, которые приютили его у себя и

жили в соседнем доме, говорили о нём только хорошее.

А тут ещё мамины подруги начали вовсю играть свадьбы. Ну как тут не согласиться на предложение!

Как думаете, что было дальше? Тихое семейное счастье? Обо всём по порядку.

Папа казался заботливым и внимательным, и мама считала его таким, хотя у неё были сомнения. Она видела все его странности, а также слышала о них от других людей.

Например, при покупке рубашки к свадьбе он сразу отказался от белого цвета и попросил подобрать что-то цветное. Однако что же, замуж за человека с причудами не выходить? Он такой, и всё тут, главное – чтобы с ним было хорошо и спокойно.

Сразу после свадьбы папа закрыл дверь в комнату, посмотрел на маму суровым взглядом и сказал: «А теперь начинается жизнь!» Он будто сбросил маску, добившись своего. Превратился из приторного юноши в того, от кого были одни проблемы и переживания.

Обнаружились его болезненные эмоции: он каждый день кричал, оскорблял маму. Она была опустошена, раздавлена,

причём давление только нарастало.

Ссора влекла за собой новую ссору, и всё это не добавляло спокойствия ни маме, ни бабушке, ни дедушке. Они совершенно не знали, что делать с новым родственником.

Между бабушкой и папой быстро началась своеобразная война, которая выходила далеко за пределы известных всем отношений тёщи и зятя.

А тем временем началась ещё одна жизнь...

С какого-то времени о маме стал заботиться дедушка. Он встречал и провожал её в университет, помогал ей во всём. Может быть, он уже понимал, что воспитывать внука ему придётся без участия зятя. Вопрос был лишь в том, когда именно произойдёт разрыв и что станет поводом для него.

Дедушка договорился, что маму примут в лучшем роддоме региона при кардиологическом центре. Я до сих пор шучу, что умудрился родиться там, где у всех дела сердечные.

В условиях пустых магазинных полок в нашем городе купить одежду для новорождённого было очень трудно, поэтому дед с бабушкой привезли из Прибалтики целую сумку вещей, которые до сих пор где-то у них хранятся.

Так они будто выразили свою позицию: «Дочь, мы готовы воспитывать мальчика. Только вот давай избавимся от твоего тирана!»

Наступила зима, близились роды. Глубоко верующая бабушка молилась. Она молилась, чтобы я появился на свет здоровым после такой беременности... Дедушка продолжал задействовать свои знакомства, чтобы обеспечить лучших врачей.

Ну а папу, кажется, эти вопросы не волновали. Он каждый день ходил на работу, а по вечерам выпивал и продолжал свои выходки.

В конце января на свет родился немного переносенный малыш с нормальным ростом и весом, с чёрными глазами и кудрявыми чёрными волосиками. Я был здоров.

Ну что же! Спустя несколько дней я был в доме бабушки и дедушки.

Мама несколько раз рассказывала, что в один из первых дней я посмотрел на неё взглядом, который её очень удивил. Она описывала его чуть ли не как взгляд маленького мудреца. Мол, умненький, вдумчивый. Мне очень приятно, что

она была такого мнения о малыше, который только-только появился на свет.

Да и впоследствии она всегда была обо мне хорошего мнения и простила мне всё, что вызывало какие-то разногласия между нами. Если бы не мама, я не справился бы со своей болезнью.

Спустя полгода ежедневных конфликтов повод к разрыву был найден. Папу просто выгнали из семьи, а его дальние родственники отказались приютить его снова. Он уехал в свою деревню и живёт там по сей день, давно спившись. Он ещё появится в этой истории.

Мама, бабушка и дедушка надеялись, что теперь-то всё будет хорошо, что и им, и мне станет комфортно. Они пострадали от папы и заслуживали эмоционального отдыха.

Однако не прошло и пары недель...

– Алло! У малыша за сорок! Врачи не знают, что с ним. Все анализы в порядке.

Я был при смерти в возрасте примерно полугода, видимо, переживая, что перестал видеть папу. А ведь я всегда был и остаюсь очень мнительным и тревожным. Может быть, это

проявилось уже тогда.

Дедушка поставил своих друзей на уши, чтобы получить помощь от местного профессора медицины. Учёных такого уровня в нашем городе в те годы можно было сосчитать по пальцам.

Тот всё бросил и в срочном порядке приехал в детское инфекционное отделение, где лежали мы с мамой. По настоянию мэтра мне сделали ещё одну пробу, которая, впрочем, тоже дала нормальный результат. Да что же со мной такое было-то?..

Это был профессор старой школы, и он сумел разобраться, что к чему.

Я выжил и выздоровел, а он спустя какое-то время позвонил дедушке, чтобы узнать, как у нас с мамой дела.

Судить о том, повлияло ли всё это на начало моей шизофрении в подростковом возрасте, нужно врачам. Мама, бабушка и дедушка тяжело переживали тот период. Однако они встали и пошли дальше.

Ничего не могло и не сможет сломить нашу семью.

Очень хочу привести здесь своё скромное видение того, почему возникает шизофрения

Наверное, действительно есть черты детского характера, которые означают предрасположенность к такому расстройству. Однако оно даёт знать о себе тогда, когда количество несчастий в жизни человека, как весомых, так и менее значимых, переходит все мыслимые пределы.

Сначала ты обычный человек, в моём случае ещё ребёнок, который нормально развивается, но вдруг какое-то обстоятельство, неважно – недоразумение или что-то, чего можно было избежать, – подкашивает тебя. Однако силы подняться ещё есть!

Ты собираешь их в кулак и справляешься с этим стрессом. Вот теперь кажется, что всё должно быть хорошо! Если что-то разрушительное не случится снова.

С каждым разом ты становишься всё слабее и восстанавливаешься всё хуже.

Это примерно как быть капитаном футбольной команды, которая проигрывает двадцать матчей подряд в силу разных причин. На двадцать первый раз все сдаются, потому что уже не могут бороться с несчастьями. Клуб вылетает из ли-

ги, полсостава разбегается кто куда, тренера никто не берёт на работу.

Наша семья нашла силы сохранить прописку в высшем дивизионе.

По прошествии тридцати с лишним лет я ни в чём не виню папу, ведь очевидно, что он был нездоров. Ему нужна была помощь психиатра, а не бесконечные увещевания, которые ни к чему не могли привести.

Прежде я даже защищал его в беседах с мамой, бабушкой и дедушкой. Любой человек хочет считать хорошими своих родителей, даже таких. Жизнь может быть очень разной!

Я хотел бы посмотреть папе в глаза и сказать: «Конечно, ты вытворял всякое. Однако с этим уже ничего не сделаешь. Оставь всё в прошлом и иди дальше».

Мама, не вини себя за такую беременность, за сделанный тобой выбор. Ты не могла ни на что повлиять. Так оставь же в прошлом всё, что было в нём.

Бабушка и дедушка, вы ни в чём не виноваты. Вы слишком мало знали о папе, чтобы советовать дочери что-то по поводу него. Жизнь такова, какова она есть, и больше ника-

кова.

А ведь она и правда больше никакова...

Думаю, что ни во время маминой беременности, ни после своего рождения я не мог выбирать, быть ли мне здоровым или заболеть впоследствии. Скорее я просто пытался справиться с тем стрессом, в котором оказался.

Сейчас стала модной идея о том, что человек делает выбор каждую секунду. Делать-то делает, и я тоже его делаю, но не в таких же вопросах! Разве я мог повлиять на поведение папы, когда меня ещё и на свете не было?

Может быть, я заслуживал лучшего отца или лучшего стечения обстоятельств? Это лишь вопрос везения. Мне не повезло с первыми месяцами своей жизни. Однако подобные разрушительные периоды на протяжении всей жизни закаляли настолько, что сейчас я могу справиться с чем угодно, кажется.

У меня шизофрения, и умные люди говорят, что от жизни не стоит ждать многого. Однако я всё равно не сдаюсь перед лицом болезни – и жду. Жду многого. Это моя жизнь. Я решаю.

Как вы думаете, кто научил меня такой позиции?

А по поводу выбора... Я сделал его, конечно. Помогаю другим, приношу пользу. А если не получается, то стараюсь. Стараюсь стараться. Стараюсь стараться стараться!

Да сколько раз сказать вам это слово, чтобы вы поняли, что шансы остаются всегда! Ма-те-ма-ти-чес-ки!

Глава 2. Первые годы жизни.

«Напиши книгу, когда вырастешь»

Родители говорят, что я рос умным, добрым и спокойным малышом. Они очень любили меня в те годы.

Однако наши с ними тёплые отношения доходили до неоправданного любования мной со стороны мамы, бабушки и особенно бабушки.

Всё просто: в стране начинались девяностые, и многим людям пришлось несладко. Взрослые могли находить отдушину в своих детях, чтобы отвлечься от ежедневного стресса. Вот так в нашей семье и получилось. Я могу представить мысли своих родителей по этому поводу: «Наш ребёнок должен быть счастлив, несмотря ни на что! Мы сделаем это!»

Спустя тридцать лет я счастлив вопреки всему и тоже сделал это.

Уберечь меня ото всех будущих проблем было невозможно, однако, скорее всего, именно в те годы я начал ощущать себя тем, у кого трое телохранителей. Бабушка, главный из них, постоянно выглядывала в окно или выходила на балкон:

«Ну как он там, в песочнице? У него всё хорошо?»

Впрочем, ей было всё равно, что именно я лепил из песка и насколько красивыми получались фигуры. В основном она следила, чтобы два остальных моих телохранителя должным образом меня контролировали.

Наверное, мне это нравилось. Ни у кого во дворе больше не было личной службы безопасности.

Сейчас мне немного за тридцать, и я никогда себе ничего не ломал, ни разу не влип в какую-нибудь неприятную историю и даже не нажил себе врагов. Знаете, что нужно, чтобы достичь таких вершин в личном благополучии?

Практически не выходить из дома.

Ну спасибо, бабушка.

Я очень долго не мог заговорить, хотя хорошо понимал речь. Обычно в таких случаях родителей ребёнка успокаивают тем, что однажды его «прорвёт», и он заговорит сразу предложениями. Это может обнадёживать, конечно, и всё же родственники такого молчуна, видя речевые успехи других детей, тревожатся ещё больше.

Мы часто играли в песочнице с девочкой из соседнего дома, моей ровесницей. Наши родители любили поболтать о том о сём, пока мы с ней лепили из песка домики и мостики. Она уже отлично говорила. В то время как я произносил что-то вроде «Бу-у-у!», указывая пальцем на машину неподалёку, подруга уверенно отвечала мне, что та красного цвета.

– Ки-и-и! – пытался я перегнуть девочку в словах.

– Ну да, у кисы хвост, – спокойно сообщала она в ответ, глядя на меня как на дурака.

Судя по рассказам моей мамы, мне было очень неловко от всего этого. Я мог понимать, что неполноценен в чём-то важном, в чём уже преуспела подруга-ровесница из соседнего дома.

Вот тогда я и мог впервые подумать: «Я не сделаю это!»

Однако примерно в два с половиной года меня наконец «прорвало», и я действительно заговорил сразу предложениями. Они быстро переросли в длинные истории и даже сказки. Ох, что тут началось!

Мама говорит, что я мог болтать часами, причём остановить это было невозможно. Однажды, когда я в очередной раз приставал со своими рассказами к уставшему дедушке,

у нас с ним произошёл такой диалог:

- Дед, что, что же мне делать?
- Напиши книгу, когда вырастешь.

Первое складное стихотворение в четыре строчки я сочинил в возрасте около трёх лет, ну а книга... Похоже, что наконец-то вырос.

Наверное, тогда я стал замыкаться в себе и больше фантазировать, чувствуя, что родители просто не могут уделить мне с моими бесконечными речами столько внимания, сколько было нужно.

Из-за постоянных простуд я очень поздно, чуть ли не в пятилетнем возрасте, пошёл в детский сад. Мама утверждает, что она занималась только моим лечением. Педиатр в поликлинике в какой-то момент махнула рукой: «Ладно, пусть болеет, всё равно когда-нибудь перестанет». Ну а личная служба безопасности охраняла меня от прогулок с другими ребятами, особенно в холодное время года.

Чаще всего я сидел дома с бабушкой и играл в любимые «железочки» – обычные металлические пластины, которые я без конца передвигал по ковру в зале, представляя, что это автобусы разных маршрутов.

В первые годы своей жизни я ещё не понимал, где заканчиваются автобусы, то есть мои выдумки, а где начинается ковёр, то есть жизнь. Наверное, я сторонился тех людей, кто пытался вернуть меня к ней, замыкаясь таким образом ещё больше.

Если ты большой выдумщик, то вряд ли тебе приятно, когда другие мешают заниматься любимым делом, считая при этом, что проявляют таким образом заботу. Да нет, никакая это не забота. Вопросы вроде «А как ты жить-то собираешься?» – это плохие вопросы, потому что вы можете задеть ребёнка-мечтателя за живое, а ответа всё равно не получите.

Фантазёр всегда находится внутри своего мира, и ваша реальность ему безразлична. Вы можете стать чуждым для него человеком, если будете навязывать своё видение.

Я думаю, если такой ребёнок не встречает поддержки в своём любимом занятии, которое взрослые должны лишь направлять в житейское русло, его мозг постепенно учится фантазировать даже в том, что он слышит, а может, и видит.

Хорошо, что в первые три года жизни я ещё не совсем замкнулся в своих грёзах. Тогда я ещё любил кататься сначала на четырёх-, а потом и на трёхколёсном велосипеде, который

дедушка привёз из какого-то города. Во время таких поездок необходимо внимательно смотреть, не подрезает ли тебя справа А. и не выбегает ли на дорогу Ю., которые, однако, так и норовили подрезать и выбежать, будто были созданы для дорожных происшествий.

Необходимо, двигаясь навстречу другому маленькому велосипедисту, кричать: «Би-бип!» А когда столкнёшься, очаровательно улыбнуться и сказать: «Бип, что ли...»

Помимо всего, я был ещё и очень милым малышом. Во втором подъезде жила моя ровесница Р., умная, хорошо развитая девочка. Её мама и бабушка умилялись мне, как и многие во дворе, и часто звали в гости.

Бабушка Р., педагог с советским образованием, всегда находила, чем нас занять. Она знала свою внучку и хорошо понимала мои особенности. Я мог болтать, сколько влезет.

Р. была первой девочкой, которая влюбилась в меня. Будучи ребёнком, я ещё не мог понять этого. Лишь по рассказам моей мамы знаю, как Р. млела, когда видела меня, как торопилась разложить игрушки. Я же ходил к ним в гости для того, чтобы поиграть, поболтать и полакомиться чем-нибудь вкусненьким.

В последующие годы, перед школой, мне хватало и внимания ровесниц, и благосклонности взрослых. Особенно когда они видели на своём любимчике хорошо выглаженную белую рубашечку с бордовой бабочкой, а сверху – любопытные искренние глазки.

Моя мама считает, что я был исключительно привлекателен, и мне очень приятно положиться на мнение женщины, знающей толк в этом вопросе. Ну что же! Если ещё в роддоме врачи и медицинские работники сошлись на том, что такого симпатичного подопечного у них не было давно, то как жаль, что в начале четвёртого десятка я выгляжу довольно заурядно. От симметричного лица остался лишь тройной подбородок. Впрочем, этим я хочу показать решённый внутренний конфликт молодого мужчины, которому его внешность безразлична.

Однако для моей бабушки она на долгие годы стала аргументом в те моменты, когда у меня что-то не получалось. Она твердила при неудачах: «Ну как же так? Ты красивый, и поэтому ты должен был это сделать!»

Если бы я не был красивым в детстве, то, может быть, мне и не пришлось бы спустя годы с такими эмоциями говорить: «Я сделал это!»

В общем, в первые три года жизни у меня всё было неплохо — если вынести за скобки то, что было позже.

Однажды я проходил мимо лавочки, где сидело несколько бабушек из нашего подъезда. Причём те же самые бабушки общаются на той лавочке до сих пор, кажется. Одна из них что-то спросила у меня, а я не смог ответить.

— Т... т... ттт... — вот всё, что мне удалось выговорить.

Заикание началось без видимых причин и было достаточно сильным. Я запинаясь на одних и тех же согласных: т, п, б, к, иногда даже на гласных. Как трёхлетний фантазёр со стажем, я сразу заявил своим родителям, что всё потому, что я испугался упавшего на голову стекла. На самом деле никакое стекло не падало. Точнее, установить истину в этом вопросе мне не удалось до сих пор.

В речевой центр, известный далеко за пределами нашего города, брали только с пятилетнего возраста, поэтому мне предстояло какое-то время мучений. Они и заставили меня ещё больше сомневаться в том, что я полноценный. Думаю, что фраза «Я не сделаю это!» звучала в моей голове всё отчётливее.

«Почему я не могу нормально говорить, когда до этого

болтал чуть ли не сутками?! А главное – как же мне теперь болтать?! Как общаться с дедушкой, когда он приезжает из командировки?!» – мог думать я.

Если распад человека можно образно представить в виде спирали, то это был новый виток. Мой мозг тогда всё-таки смог свыкнуться с проблемой, но плохое будущее было уже неминуемо.

Для ровесников во дворе я быстро превратился в нежелательного товарища: хилый, болезненный, никогда не участвовавший в шумных играх, а теперь ещё и не способный связать двух слов.

В какие-то моменты я и вовсе не мог говорить. Видимо, это породило тревожность, которая впоследствии лишь усугублялась.

Вот первый момент, который разделил мою жизнь на «до» и «после. Когда-то большинство людей умилялись, глядя на меня, и мне было очень комфортно. А теперь? Из милого «инопланетянина» я превратился в мальчика с дефектом.

«Я? У меня дефект?! Эй, личная служба безопасности, вы недоработали! Теперь я всю жизнь буду винить вас во всех своих проблемах!»

Глубокие корни моего дальнейшего распада, даже развала, кроются именно в том возрасте – около трёх лет. Заикание – это чудовищная вещь, и если бы я не был настолько смел, чтобы писать о своей шизофрении, то написал бы книгу «Я сделал это! От заикания к пению в хоре».

«До» и «после»... Однако я всё равно сделал это. После всего.

Глава 3. Дошкольные годы. «Дедушка, что это, шахматы?»

Около четырёх лет от роду я заинтересовался буквами, которые были нарисованы на детских кубиках. Оставалось лишь спросить у мамы, что именно они означают. Родители были очень рады тому, что я научился читать самостоятельно. У моей личной службы безопасности стало меньше забот по поводу сына и внука.

Вот тогда и началось моё запойное чтение, которое длилось несколько лет. Я быстро стал испытывать недостаток в хорошей литературе для дошкольников – те книги, что были у нас дома, мне сразу наскучили, потому что были слишком просты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.